

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ GENDER DIFFERENCIES IN DAILY ARGUMENTATION

Воробьева Светлана Викторовна,
Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: феноменология аргументации, экзистенциальный потенциал аргументации, мужская повседневность, женская повседневность, аргументация «там и тогда», аргументация «здесь и теперь».

Резюме. В докладе дифференцированы гендерные признаки агентов повседневной аргументации. Феноменология повседневной аргументации раскрыта в контексте ее экзистенциального потенциала. Объяснена специфика мужской и женской повседневной аргументации. Обоснованы гендерные различия в пространственно-временных координатах «там и тогда» и «здесь и теперь».

Keywords: phenomenology of argumentation, existential potential of argumentation, men's casual, women's daily life, "there and then" argumentation, "here and now" argumentation.

Resume. The report differentiated gender signs of everyday reasoning agents. phenomenology of everyday reasoning is disclosed in the context of its existential potential. It explains the specifics of the male and female daily reasoning. Grounded gender differences in spatial and temporal coordinates, "then and there" and "here and now".

Повседневная аргументация представляет собой феномен, с одной стороны, структурирующий ощущения и чувственные образы субъекта коммуникации, с другой, — позиционирующий и раскрывающий его отношение к миру. Поэтому научно-исследовательский интерес к данному виду аргументации обусловлен схематической репрезентацией субъекта коммуникации как агента мышления и деятельности и как агента собственных изменений. Схематическая репрезентация поддерживается логическими структурами аргументации, которые при множественности ее фактической реализации являются инвариантными [1, с. 259–288].

Сущность повседневной аргументации заключается в сепарации и дифференциации значений и смыслов, обуславливающих чувства и мысли по поводу себя и отношений с другими. Насколько точно и однозначно определены чувства и сформулированы мысли, насколько статичны или динамичны личностные конструкторы как их когнитивные механизмы — все это определяет доминирование одной из структурных частей субъекта — сущности или личности. Само доминирование обеспечивает выбор стратегии «быть самим собой» или «отклониться от самости». Последнее находится в корреляции с косностью мышления и по-разному проявляется у женщин и мужчин.

Гибкость мышления как антитеза косности не является переменной, дифференцирующей «мужскую» и «женскую» логики. Тем более не являются нереалистичные ожидания чертой женского способа мышления и

аргументации. Они равновероятно свойственны и мужскому, и женскому интеллекту. Гендерные различия обусловлены разными границами достаточности и необходимости в актах интеллектуальной сепарации и дифференциации значений и смыслов, обуславливающих психическую реальность. Это означает, что пороговое значение стимула зависит от инвариантных структур обобщенных признаков (атрибутов) и от типичных примеров или образцов из категориальных множеств (прототипов). Атрибуты и прототипы мужского и женского инвариантов в повседневной аргументации не совпадают, так как обладают разным экзистенциальным потенциалом. Это можно подтвердить, в частности, разными подходами в воспитании девочек и мальчиков, которые будут обуславливать, например, отличные друг от друга астенические (подавляющие) факторы жизнедеятельности.

Экзистенциальный потенциал аргументации раскрывается в контексте корреляций поведения ее агента с концептуально-смысловым строем повседневного языка, объясняющих, почему наша открытость миру расширяется или сужается, высвечивая в аргументации разные его феномены [2, с. 61–64]. Глубинными структурами настроенности на мир выступают ценности. Агент аргументации, испытывая некоторое чувство, резонирует с соответствующим миром. В частности, если человек радостен, мир созвучен миру радостных взаимоотношений. Если человек подавлен или встревожен, он резонирует миру угроз и опасностей. По этой причине, в аргументации нет каузальных связей, но есть мотивы [3, р. 78]. Недоступность понимания собственных мотивов определяется только узостью «горизонта понимания», что ведет к возникновению навязчивых связей с объектами или оценок (ограничивающих рамок).

Содержание навязчивостей и оценок можно иллюстрировать когнитивными стадиями социально-депрессивной модели аргументации. Подобная феноменология по-разному проявляется в мужской и женской повседневности. Статистические обобщения позволили зафиксировать гендерные различия феноменального мира повседневной аргументации с пространственно-временными координатами «там и тогда» и «здесь и теперь» [4, р. 99–105], детерминирующих свойства и состояния агентов аргументации. Социально-депрессивные схемы аргументации в мужской повседневности разворачиваются от утомления и апатии к подлости, в женской повседневности — от беспокойства к потере самоуважения (М. Босс, Э. Левинас) [3; 4; 5].

Утомление и апатия — первая стадия в мужской феноменологии аргументации — характеризуется усталостью и ощущением недостатка энергии. Лингвистическими маркерами являются выражения «Я устал», «Нет сил», «Я сомневаюсь», «Отстаньте» и т. п. В теории аргументации они интерпретируются как неизбежные реакции человеческого организма на чрезмерный труд или неожиданные события, так как энергетический спад свойственен любой системе.

Утомление и апатия являются тем пусковым механизмом, который дает начало деструктивным процессам во внутреннем мире человека, в социальных группах и в социумах, ибо мешают сознанию сосредоточиться. Неспособность сосредоточиться характеризуется забывчивостью и рассеянностью, но сопровождается оптимизмом. Это характерно, например, для подростков, для отдельных руководителей или подчиненных. С одной стороны, забывчивость в отношении к просьбам или распоряжениям является неосознаваемым уходом от излишней опеки или контроля, с другой, — рассеянность есть следствие неумения концентрировать внимание. Вместе забывчивость и рассеянность представляют собой механизм восприятия мира, позволяющий видеть в реальности фрагменты, не мешающие ощущению оптимизма и поддержанию собственного статуса. Все остальное игнорируется.

Долговременно ощущаемое сочетание забывчивости, рассеянности и оптимизма приводит к скуке. Неоднократно переживаемое состояние скуки не способствует формированию интересов или их поддержанию. Отсутствие интереса обуславливает возникновение беспокойства, которое стремятся преодолеть. Завершается скука раздражением по отношению к учебе, работе или ближайшему окружению. Именно на стадии скуки формируются нездоровые пристрастия и привычки.

Скука влечет потерю чувства благополучия, что формирует нетерпимость, завершающуюся раздражением, граничащим или переходящим в гнев и агрессию. Раздражение и благополучие — вещи несовместимые. У человека, задерживающегося на стадии раздражения, формируется пренебрежение. Удовлетворение нездоровых пристрастий и привычек поддерживает кажущееся благополучие.

Пренебрежение есть безразличие к нуждам и чувствам окружающих и несклонность к сотрудничеству. Человек, пренебрежительно относящийся к другим, защищает себя и служит себе. Подобная защита и служение являются платформой, на которой человек строит новый тип собственного благополучия — «гегемонию Я» — которое связано не с согласием с другими, а только с согласием с самим собой. Формируемая в контексте пренебрежения подлость имеет в качестве истоков черствость и разрушительность в отношении других. При наличии безразличия и нежелания сотрудничать с другими людьми ощущение благополучия достигается лишь тогда, когда человек поступает так, как хочет. Оправданность действий определяется оправданностью их в его сознании [3, р. 88, 93].

Беспокойство — первая стадия в женской феноменологии аргументации — обусловлено, с одной стороны, дефицитом времени или поддержки, с другой, — чувством ответственности. Следствием желания все успеть сделать является ощущение растерянности, ситуационно обусловленное отсутствием достаточного внимания и сочувствия со стороны окружающих. Усиление чувства ответственности сопровождается

ощущением подавленности. Индикатором данного феномена в повседневной аргументации выступают явные или косвенные указания на множество дел или сообщения о собственной беспомощности или безнадёжности состояния определенного фрагмента субъективной или объективной реальности. Беспомощность или безнадёжность способствуют формированию чувства вины.

Чувство вины в корреляции с пренебрежением собственными нуждами порождает чувство долга. Деятельность из чувства долга, а не из желания отдавать является закономерным следствием отсутствия общения и сотрудничества. Маркеры «Я должна» или «Я вынуждена» свидетельствуют о том, что женщина чувствует себя вынужденной действовать из чувства долга. Длительная доминанта подобного долженствования может привести к формированию таких языковых и поведенческих паттернов как требовательность, мелочность, обидчивость («Меня никто не ценит»), с которых стартует отрицание обязательств («Я не обязана»).

Маркерами потери связи с внешним миром являются апатия и усталость. Длительное доминирование подобной установки в повседневности приводит к потере контроля над собой, которые компенсируются обвинениями других в собственных проблемах или безответственностью по отношению к себе, например, перееданием или установлением неблагоприятных отношений. Неумение совладать с потерей контроля может привести к переопределению счастья: счастлив тот, кто не связан обязательствами. Потеря чувства ответственности перед другими постепенно нивелирует зависимость от окружающей среды. Феноменология дополняется ощущением свободы, что в сочетании с индифферентным отношением к внешнему миру, генерирует потерю самоуважения.

Указанные гендерные различия в структурировании, понимании и оценке повседневности обусловлены пороговыми значениями стимулов, зависимыми от внутренней или внешней мотивации, а также пространственными («там или здесь») и временными («тогда или теперь») координатами в аргументации. Именно данные факторы обуславливают критерии повседневной аргументации — «стандарты для оценки», или «то, ради чего вы что-то делаете» [6, с. 93]. В большинстве случаев феноменологический опыт и персональное кодирование в мужской и женской повседневности ограничено первыми двумя стадиями. Но по мере продвижения на следующие стадии острее становится вопрос о сдвиге значимости критериев. Ответ предполагает выяснение того, каким образом агент повседневной аргументации понимает, насколько для него нечто значимо, и действует в соответствии с критериями-мотивами или пространственно-временными локализациями собственного опыта. В частности, в любом опыте есть простые действия, которые агент повседневной аргументации мог бы осуществить, но по каким-то причинам этого не делает, мотивируя это, например, критерием «безопасность» или «экономия средств». Отсюда выводимы нетривиальные следствия,

касающиеся гендерных различий в повседневной аргументации, допустим, почему «я бы мог помыть посуду, но не стану это делать» или почему «я могла бы смириться с отсутствием помощи со стороны других, но не буду это делать».

Таким образом, в повседневной аргументации по гендерным признакам следует различать ее агентов. Мужская и женская феноменологии аргументации характеризуются отличными друг от друга способами осмысления и деятельности, а также стратегиями собственных изменений. При инвариантности логических структур они отличаются по пространственно-временным координатам, детерминирующим гибкость (в случае принятия ответственности на себя здесь и теперь в корреляции с желанием изменить себя и свое отношение к Другим) или косность (безответственное отношение как следствие прошедших событий и нежелание что-либо изменить) мышления. Механизмы повседневной аргументации включают дискретные (стадиальная конкретизация чувств и мыслей) и непрерывные (сенсорные неосознаваемые впечатления) операции в мужской и женской феноменологии. Статистическое обобщение данных операций подтверждает, что «женская» логика инспирирована логикой «мужской», исчезновение которой повлечет исчезновение первой.

Список использованной литературы

1. Воробьева, С.В. Логика и коммуникация: пособие / С.В. Воробьева. — Минск: БГУ, 2010.
2. Воробьева, С.В. Ценности как экзистенциальный потенциал аргументации / С.В. Воробьева // Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. — Минск, 2014.
3. Lйvinas, E. Autrement qu'ltre ou au-dela de l'essence / E. Lйvinas. — La Haye, 1974.
4. Lйvinas, E. Autrement que savoir / E. Lйvinas. — P., 1988.
5. Грэй, Д. Марс и Венера. Диета и упражнения / Джон Грэй. — Пер. с англ. М.: «София», 2004.
6. Андреас, С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. Новейшие субмодальные вмешательства НЛП / С. Андреас, К. Андреас. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.